

*Всем верным
и весьма терпеливым
поклонникам мира Санктуария*

ПРОЛОГ

...Второе пришествие нефалемов навечно изменило весь мир, но разительнее всего сущего изменился первый среди них, Ульдиссиан уль-Диомед. Не желавший себе ничего, кроме достойной и незатейливой жизни простого крестьянина, он был вынужден стать зачинателем массовых возмущений. Именно ему предстояло открыть людям часть правды о Санктуарии — так называли сей мир те, кто более всех прочих стремился завладеть им. Именно от него люди узнали об извечной войне меж ангелами и демонами в обличьях Собора Света и Церкви Трех.

Обнаружив в Ульдиссиане угрозу всем своим замыслам, и Собор, и Церковь пустили в ход все, чем располагали, дабы обманом превратить нефалема в послушную марионетку или же погубить. Мало того, обманутый тою, кого полагал возлюбленной, Ульдиссиан сделался опасен для себя самого, ибо, стремясь освободить род людской от ярма тех, кто считал себя законными повелителями человеческой расы, перестал замечать, что творится вокруг него.

Однако, чувствуя на утомленных плечах тяжесть судьбы всего Санктуария, Ульдиссиан не знал, что

были и другие, кто бился с его врагами уже сотни лет, бился и не сдавался, сколь ни бесплодной, сколь ни безнадежной казалась борьба сия на протяжении многих веков.

Да, знать о них он не мог, и это, вполне возможно, было лишь к лучшему... ибо они, в свою очередь, не понимали, как поступить с ним — раскрыть ли навстречу объятия... или же уничтожить, согласившись в том с ангелами и демонами.

*Из «Книг Калана»
том пятый, лист первый*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Огромный город, именуемый Тораджей, горел...

Неизменно уступавшая великому Кеджану, что на востоке, и в великолепии, и в величине, Тораджа, однако ж, широко славилась неповторимыми достопримечательностями, доставлявшими немало радостей и самим горожанам, и странникам из далеких краев. Сразу же за северо-западными воротами города начинался просторный открытый рынок, где за сходную цену можно было купить либо продать любой товар из известных земель. Невдалеке от центра города находились украшенные множеством прекрасных статуй, разбитые несколько веков назад сады, где всякий желающий мог полюбоваться спиральными деревьями или легендарными фалоцветами — цветами сказочной красоты, каждый лепесток коих переливается более чем дюжиной различных ярких оттенков. Аромата этих цветов не сумел повторить еще ни один парфюмер. За садами высилась громада Арены Клитоса, под кровом которой устраивались Ниरोлийские Игры, привлекавшие заезжих зрителей даже из самой необъятной столицы.

Но в ту ужасную ночь все эти легендарные места, обычно битком набитые публикой, были пусты. Некое оживление наблюдалось лишь в одном-единственном месте, однако кое-какие следы его были видны за целую милю даже из чащи джунглей, окружавших стены Тораджи.

Тораджа пылала... а в самом центре пожарища высился храм Церкви Трех.

Отсветы пламени озаряли небо высоко над треугольной постройкой о трех башнях, самым большим храмом секты на свете, если не брать в счет главного храма недалеко от Кеджана. Из окон фронтальной башни — той, что посвящена Мефису, одному из трех духов-покровителей Церкви — клубами валил черный дым. Исполинский красный круг, символ и ордена, и любви, считавшейся сферой влияния Мефиса, крепился книзу, и, отлитый из железа, угрожал тем, кто находился внизу, не меньше огня, пожирившего опорные балки. Увы, постигшей храм участи зодчие, воздвигавшие здание, и представить себе не могли, а посему о дополнительных опорах не позаботились.

Но если башне Мефиса только грозила неминуемая беда, то с башней Диалона, что справа, самое худшее уже произошло. Баранья голова, символ целеустремленности, по-прежнему гордо висела на месте, но выше, над нею, постройка превратилась в развалины. Странно, однако окрестные улицы почти не пострадали от падающих обломков верхних этажей: большая часть каменной кладки и треснувших балок осталась грудой лежать наверху, точно башня каким-то образом обвалилась внутрь.

Возле ступеней бурлили огромные толпы народу. Толпившиеся у самого входа были облачены в лазоревые, золотые и черные одежды трех орденов. Среди них виднелись кирасы и капюшоны храмовых мироблюстителей, вооруженных мечами и пиками. Правоверные почитатели Троицы отражали штурм. Шедшие на приступ в первых рядах были одеты попросту, по-крестьянски, на манер обитателей верхних земель, что лежат далеко на северо-западе, за пределами необъятных джунглей. Бледностью кожи и облегающими нарядами те, кто увлекал за собой остальных, разительно отличались не только от служителей Церкви, по большей части смуглолицых, но и от основной массы атакующих храм, что уверенно теснили противника. Да, основные силы выступивших против Церкви Трех состояли из местных, из уроженцев самой Тораджи, о чем наглядно свидетельствовали свободные, складчатые, алые с пурпуром одежды и темные волосы, собранные в пучок на затылке.

Большая часть факелов, освещавших поле битвы, пылала над рядами штурмующих, однако в пожарах, пожиравших близлежащие городские кварталы, вероятнее всего виновны были отнюдь не они. Правду сказать, с чего начались пожары, никто толком не разглядел. Видели люди одно: поджог домов изначально был выгоден жрецам... и этого оказалось довольно, чтоб все их симпатии к Церкви Трех обернулись гневом. Гнев сей и решил дело, подвигнув Ульдиссиана к немедленному штурму храма. Прибыв в Тораджу и едва оправившись от изумления при виде такого множества людей, теснящихся в стенах одного поселения, он решил

постепенно склонить горожан к мирному выдворению из города жрецов и их присных. Однако после этого злодеяния, погубившего многие дюжины местных и даже часть его изначальных сторонников, в сердце бывшего крестьянина не осталось ни крупицы, ни крохи жалости.

«Я пришел в этот город, надеясь стать людям наставником, обратить их к истине, — с горечью думал Ульдиссиан, шагая к ступеням, — и вот к чему они нас принудили».

Толпа, даже не видя его, расступилась. Приближение Ульдиссиана чувствовал всякий, кого ни коснулась его сила — сила нефалема. Сообразив, что Ульдиссиан замышляет нечто новое, штурмующие ослабили натиск.

Постигшие храм разрушения учинил вовсе не он. То были плоды куда более примитивных стараний коекого из его самых рьяных сторонников, наподобие Рома. Один из вожаков партанцев, Ром также числился среди немногих самых способных Ульдиссиановых учеников. Парте выпало стать вторым после его родной деревни, Серама, поселением, узревшим чудо пробудившегося в Ульдиссиане дара. Не в пример серамцам, объявившим Диомедова сына злодеем и убийцей, партанцы восхитились его невероятными способностями и всей душой приняли его простые, но чистосердечные взгляды на жизнь.

Что бы ни утверждала молва, на пророка, идущего в священный бой, Ульдиссиан не походил ничуть. Не был он ни ангелоподобным нестареющим юношей наподобие Пророка, возглавлявшего Собор Света,

секту-соперницу Церкви Трех, ни среброволосым, ко всем вокруг благосклонным старцем вроде Примаса, служители коего ныне ожидали Ульдиссианова гнева. Ульдиссиан уль-Диомед был рожден для стези землепашца. С квадратной челюстью, с грубыми чертами лица, в обрамлении короткой бороды, крепостью сложения он, благодаря жизни в нелегких трудах, превосходил многих, но более ничем примечательным на общем фоне не выделялся. Светло-желтые, песочного цвета, волосы его неопрятно топорщились на затылке: в хаосе этой ночи все старания привести себя в благопристойный вид пропали впустую. Одет Ульдиссиан был в простые коричневые штаны и рубаху, да изрядно поношенные сапоги. Оружия, кроме ножа за поясом, при нем не имелось. Сам по себе оружие куда более грозное, чем острейший на свете клинок, чем самые быстрые, самые верные стрелы, в ином вооружении Ульдиссиан не нуждался.

Даже отряд мироблюстителей, ринувшийся навстречу с верхних ступеней, был ему нипочем. Жрец Диалона, оставшийся позади, властно закричал, отдавая распоряжения. Особой ненависти к этому глупцу Ульдиссиан не питал. Он знал: жрец попросту изрекает приказы вышестоящего, затаившегося в самом сердце храмовых комнат. Тем не менее, и воинам, и жрецу в скором времени предстояло дорого заплатить за свою фанатичную верность гнусной секте.

Подпустив стражей почти на расстояние удара, Ульдиссиан без труда разметал весь отряд в разные стороны. Одних швырнуло (да с такой силой, что хрустнули кости) о колонны, венчавшие лестницу, другие

же, долетев до самых бронзовых дверей, бесформенной грудой рухнули к порогу храма. Еще одни, отброшенные вбок, с грохотом попадали под ноги замершей в ожидании толпы, при виде этакой демонстрации силы вождя взорвавшейся ликующими криками.

Тут лучник, стоявший рядом со жрецом, спустил тетиву. Пожалуй, худшей идеи ему в голову прийти не могло. Ульдиссиан сдвинул брови, только этим и выразив всю жуть нахлынувших воспоминаний. В этот миг ему вспомнилось, как его друг, Ахилий, бросил вызов демону по имени Люцион, в обличье Примаса основавшему Церковь Трех, дабы, сея в сердцах человеческих порчу, обрести власть над каждым из рода людского. Особенно ярко, точно пережив все это заново, вспомнил Ульдиссиан стрелу, пущенную охотником, но волею демона обращенную против него самого и *пронзившую* горло Ахилия.

То же самое проделал Ульдиссиан со стрелой, направленной ныне в него. Описав дугу в воздухе, стрела без промедления помчалась вспять. Лицо лучника посерело от ужаса... однако целью оказался вовсе не он.

Прошив грудь жреца словно воздух, стрела полетела дальше, набрала скорость, достигла дверей, украшенных округлым символом Мефиса, а там, послушная воле Ульдиссиана, угодила в самый центр круга, в самое яблочко, и глубоко вонзилась в металл.

Произошло все это столь быстро, что тело жреца даже не дрогнуло. Теперь же в горле его забулькало, из раны и изо рта толчком выплеснулась кровь, черты лица обмякли... и человек в долгополых ризах, рухнув

вперед, точно жуткая тряпичная кукла, кубарем покати́лся к подножию лестницы.

Охваченный ужасом, стрелок выронил лук, пал на колени и усталился на Ульдиссиана в ожидании неминуемой гибели.

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Ульдиссиан твердым шагом подошел к стражнику. За спиной сломленного воина угрюмо перестраивались остальные защитники храма. Заливавшая мрамор кровь самых горячих из приверженцев Ульдиссиана свидетельствовала: мироблюстители полны решимости не допускать в храм никого из живых.

Закаменев лицом, Ульдиссиан опустил руку на плечо коленопреклоненного стража.

— Этого пощадить... для примера, — громче грома пророкотал Диомедов сын. — А остальные, — добавил он, опалив гневным взглядом прочих мироблюстителей, — пусть катятся в Преисподнюю, следом за своим Примасом.

Его слова ввергли вооруженных стражей в некоторое замешательство: о победе Ульдиссиана над Люционом им знать было неоткуда. Подобное Ульдиссиан замечал уже не впервые. Следовало полагать, вести о необъяснимом исчезновении Примаса отдаленных храмов еще не достигли. Очевидно, высшее жречество всеми силами скрывало от паствы случившуюся беду... однако Ульдиссиан позаботится о том, чтобы правда как можно скорее разлетелась по всему миру.

Впрочем, этим, из Тораджи, будет уже все равно. После сегодняшней ночи слова «Церковь Трех» для